

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

ВІСНИК
ДНІПРОПЕТРОВСЬКОГО
УНІВЕРСИТЕТУ

СОЦІОЛОГІЯ. ФІЛОСОФІЯ.
ПОЛІТОЛОГІЯ

Випуск 10

Дніпропетровськ
РВВ ДНУ
2004

ББК 87.3

В. Н. Калюжный

Харьковский национальный университет им. В.Н.Каразина

ПРОСТРАНСТВО В «КРИТИКЕ ЧИСТОГО РАЗУМА»

Анализируется проблема пространства в «Критике чистого разума». Развивается критика Канта, заложенная в работах Вл.Соловьева, О.Шпенглера, Б.Рассела.

© Калюжный В. Н., 2004

Слово «пространство» многозначно. В различных контекстах проявляются те или иные его значения. Чаще всего (как в философии, так и на уровне здравого смысла) пространство представляется образом КОНТЕЙНЕРА–ВМЕСТИЛИЩА (психоанализ мог бы в этом усмотреть желание находиться в некоей утробе).

О пространстве естественно говорить как о метафоре. Метафорическое имя не столько указывает на объект, сколько подчеркивает его выразительные особенности. Во многих случаях метафора выступает как загадка, когда по звуковой форме нужно восстановить подразумеваемый объект. В случае *пространства* решение подобной задачи особенно сложно. При попытке, например, охватить пространство комнаты мы видим стены, пол, потолок, но не улавливаем самого пространства. Поиск *истинного* референта этого слова опосредуется целым рядом мировоззренческих установок, мифологем и предрассудков. Например, О.Шпенглер говорит о «величественном фаустовском символе *бесконечного пространства*». Предлагаемая работа посвящена анализу термина «пространство» в «Критике чистого разума» Канта.

Бертран Рассел в «Истории западной философии» свидетельствует: «Дать ясное объяснение теории пространства и времени Канта нелегко, поскольку сама теория неясна». По язвительному замечанию О.Шпенглера, сделанному в книге «Закат Европы», «Кант при проверке своих мыслей считался только с духовным габитусом своего времени, чтобы не сказать – только со своим собственным» [3, с. 254].

Проследить за ходом мысли философа довольно сложно. С одной стороны, он постоянно повторяется, с другой – варьирует свои соображения. В результате трудно определить, где принципиальные соображения, а где их пояснения, иллюстрации. Наконец, «один и тот же, иногда весьма важный термин он употребляет в различных и даже противоположных смыслах» [2, с. 477].

Проблемой пространства Кант не занимался целенаправленно. Вместо этого мы сталкиваемся с множеством упоминаний термина «пространство» более или менее равномерно распределенных по всему тексту. Чаще всего эти упоминания носят характер ссылок на установленные ранее положения (именно поэтому интересно начало разговора о пространстве).

Нужно иметь в виду, что «припереть к стене» Канта не удастся в силу наличия у него интеллектуального алиби: рассматриваемый «вопрос выходит за пределы всякой способности нашего разума; более того, он даже не вправе задавать подобные вопросы, точно так же как нельзя спрашивать, почему трансцендентальный предмет нашего внешнего чувственного созерцания дает нам только созерцание в *пространстве*, а не какое-либо иное созерцание» [1, с. 136].

Кант пишет чрезвычайно длинными фразами с разветвленными подчинительными и сочинительными конструкциями, в которых трудно отделить главное от второстепенного, утверждение от аргументации. Многие его суждения афористичны, но отдельные максимы не согласуются друг с другом. По стилю изложение напоминает разговор с самим собой.

Трудности реконструкции кантовской концепции пространства заставляют искать особый подход. Речь идет как о содержательном, так и формальном ана-

лизе всего сказанного автором о пространстве. Совпадая во многом с лингвистическим анализом, подобный подход содержит и элементы литературоведческого разбора. Такой анализ (в пределе доходящий до деконструкции) обращает внимание не только на элементы фасада, но и на изнаночную сторону: разнообразные неточности, неувязки, противоречия.

Проанализируем несколько исходных употреблений термина «пространство». Первое из них встречается на четвертой странице введения: «Отбрасывайте постепенно от вашего эмпирического понятия тела все, что есть в нем эмпирического: цвет, твердость или мягкость, вес, непроницаемость; тогда все же останется пространство, которое тело (теперь уже совершенно исчезнувшее) занимало и которое вы не можете отбросить» [1, с. 43].

Сказанное является не столько определением, сколько наводящим соображением. Пространство у Канта детерминируется телом. Но не приведут ли разные тела к различным пространствам? Далее, процесс «отбрасывания свойств» весьма условен. Не получится ли так, что мы с водой (телом) выплеснем и ребенка (пространство)? Абстрагирование (как это ни парадоксально звучит) всегда конкретно, оно должно происходить под определенным углом зрения. Где гарантия, что оно пойдет в нужном направлении? Почему в результате мы будем иметь пространство, а не форму или структуру?

Ниже автор почти дословно повторяет приведенное рассуждение: «когда я отделяю от представления о теле все, что рассудок мыслит о нем, как-то: субстанцию, силу, делимость и т.п., а также все, что принадлежит в нем к ощущению, как-то: непроницаемость, твердость, цвет и т. п., то у меня остается от этого эмпирического созерцания еще нечто, а именно протяжение и образ» [1, с. 63]. Только непонятно, почему в этот раз Кант не отождествил «оставшееся нечто» с пространством?

На следующей странице обсуждаемое положение репродуцируется в третий раз: «Итак, в трансцендентальной эстетике мы прежде всего *изолируем* чувственность, отвлекая все, что мыслит при этом рассудок посредством своих понятий, так чтобы не осталось ничего, кроме эмпирического созерцания. Затем мы отделим еще от этого созерцания все, что принадлежит к ощущению, так чтобы осталось только чистое созерцание и одна лишь форма явлений, единственное, что может быть нам дано чувственностью а priori. При этом исследовании обнаружится, что существуют две чистые формы чувственного созерцания как принципы априорного знания, а именно пространство и время» [1, с. 64]. Этим предсказанием или надеждой заканчивается § 1.

Второе употребление термина «пространство» во введении встречаем через две страницы после первого. Похоже, что здесь мы сталкиваемся со своеобразным лирическим отступлением: «Рассекая в свободном полете воздух в чувствуя его противодействие, легкий голубь мог бы вообразить, что в безвоздушном пространстве ему было бы гораздо удобнее летать. Точно так же Платон покинул чувственно воспринимаемый мир, потому что этот мир ставит узкие рамки рассудку, и отважился пуститься за пределы его на крыльях идей в пустое пространство чистого рассудка. Он не заметил, что своими усилиями он не пролагал дороги, так как не встречал никакого сопротивления, которое служило бы как бы опорой для приложения его сил, дабы сдвинуть рассудок с места» [1, с. 45]. «Пространство», увиденное глазами голубя – изящный образ, а «пус-

тое пространство чистого рассудка» – эффектная философская метафора. Но все это весьма далеко от разъяснения понятия пространства.

Последний раз во введении «пространство» фигурирует в предложении: «в понятии материи я не мыслю ее постоянности, а имею в виду только ее присутствие в пространстве через наполнение его» [1, с. 51]. В этом фрагменте «пространство» используется уже как нечто само собой разумеющееся. Оно имеет метафорическое значение ВМЕСТИЛИЩА. Вл. Соловьев задавал вопрос: «Что значат для критической философии слова «бытие, наполняющее пространство»? Ведь пространство есть только воззрительный акт нашего ума, оно не существует само по себе, а только *представляется* нами – каким же образом представление может быть наполнено бытием?» [2, с. 474].

Сомнительно и часто употребляемое Кантом выражение «созерцание в пространстве». Точнее говорить о «представлении в пространстве» (сравни [1, с. 660]). Указанная метафоричность не безобидна, поскольку имеет тенденцию к итерации – так возникает «реальность в пространстве, т. е. материя» [1, с. 328]. Аналогично, оборот «существовать в пространстве и во времени» следовало бы заменить на выражение «восприниматься (мыслиться) в пространстве и во времени». А еще лучше говорить, что явления тем или иным способом соотносятся с пространством и временем.

Более обстоятельный разговор о пространстве начинается в «Трансцендентальной эстетике». В § 1 Кант некритически принимает постулат, что форма явлений «целиком должна для них находиться готовой в нашей душе а priori» [1, с. 63]. Через несколько страниц эта мысль дублируется: «форма всех явлений может быть дана в душе раньше всех действительных восприятия, следовательно, а priori». Философ отождествляет пространство с «формой всех явлений внешних чувств» [1, с. 68]. Но как такое возможно? Ведь форм ненамного меньше, чем самих явлений. Как все многообразие форм сводится к однозначно определенной конфигурации евклидова пространства? Чуть ниже это положение варьируется: «форма, если отвлечься от этих предметов, есть чистое созерцание, называемое пространством». Но каков конкретный механизм «отвлечения» и о чьей форме идет речь?

Первая глава «Трансцендентальной эстетики» носит название «О пространстве». Пройдемся по ней с (красным) карандашом в руках.

§ 2 «Метафизическое истолкование этого понятия» начинается словами: «Посредством внешнего чувства (свойства нашей души) мы представляем себе предметы как находящиеся вне нас, и притом всегда в пространстве. В нем определены или определимы их внешний вид, величина и отношение друг к другу» [1, с. 64]. Это категоричное заявление следует непосредственно за анонсом, заключающим § 1, без каких бы то ни было пояснений. Мы снова сталкиваемся с метафорой контейнера: что касается «внешнего вида, величины» предметов, то они определяются во взаимной соотнесенности, а не в привязке к невидимому пространству. После небольшого отступления в сторону *времени* автор задает риторический вопрос: «Что же такое пространство и время?» [1, с. 65].

Наконец, автор решает прояснить провозглашенные положения: «Чтобы решить эти вопросы, истолкуем сначала понятие пространства». Термин «истолкование» (по крайней мере, в русском языке) представляется неподходящим. Истолковывать можно какое-либо суждение, но не понятие. Толкуют то, что не

ясно само по себе. Но понятия должны представлять собой квинтэссенцию точности. Нужно ли *толковать* понятия треугольника, млекопитающего, морфемы? Разумеется, нет, ими нужно просто *пользоваться*. Другое дело, что понятия не возникают сами собой – в какой-то момент они *вводятся*. Дает понятие субъект научной деятельности (отдельный ученый, научная школа). Остается неясным, предлагает ли Кант свою дефиницию или он собирается работать с чужой?

Понятие обязано анализироваться, из него должны выводиться следствия. Это автор вроде бы понимает: «под истолкованием же (*expositio*) я разумею отчетливое (хотя и не подробное) представление о том, что принадлежит к понятию» [1, с. 65]. Но составить представление о понятии можно, если оно четко зафиксировано, а не витает в пространстве воображения. Но характерно, что сказав *A* (*понятие*), автор от него тут же отказывается: «первоначальное представление о пространстве есть априорное *созерцание*, а не *понятие*» [1, с. 66].

В качестве аргументации философ использует перефразирование: «Пространство не есть эмпирическое понятие, выводимое из внешнего опыта. В самом деле, представление о пространстве должно уже заранее быть дано...». Тезис же о *не эмпиричности* не убедителен. Утверждая, что «внешний опыт становится возможным прежде всего благодаря представлению о пространстве» [1, с. 65], он ставит телегу впереди лошади. Естественнее считать, что представление вырабатывается на опыте, а высшие сферы опыта используют уточненные понятия. Кстати, не противоречит ли себе Кант, заявляя: «Нельзя представить себе тьму, если чувствам не дан свет, точно так же нельзя представить себе пространство, если не восприняты протяженные вещи» [1, с. 269]?

Мыслитель патетически заявляет: «Никогда нельзя себе представить отсутствие пространства» [1, с. 65]. Но не важнее ли понять, как представляется наличие пространства? Подавляющее большинство населения преспокойно существует, не задумываясь о пространстве как таковом. Оно пользуется житейскими представлениями о расстоянии, направлении и т. п. Кант настаивает на том, что «пространство в существе своем едино», говорит, что «представить себе можно только одно-единственное пространство» [1, с. 66]. Но как это согласуется с положением о субъективности пространства? Не будет ли каждый субъект претендовать на свое пространство?

Кант довольно часто апеллирует к геометрии, но чаще всего попадает пальцем в звездное небо над головой. О его непонимании сути математики свидетельствуют следующие слова: «все геометрические основоположения, например что в треугольнике сумма двух сторон больше третьей стороны, всегда выводятся из созерцания, и притом а priori, с аподиктической достоверностью, а вовсе не из общих понятий о линии и треугольнике» [1, с. 66].

Сходная мысль звучит еще один раз в «Трансцендентальной эстетике»: «возьмите положение, что из трех прямых линий можно образовать фигуру, и попытайтесь вывести его только из этих понятий. Всякое ваше усилие окажется напрасным, и вам придется прибегнуть к созерцанию, как это всегда и делается в геометрии» [1, с. 82 – 83]. На самом деле, все геометрические положения выводятся из ранее доказанных теорем, а, в конечном счете, из аксиом, т.е. из зафиксированных в них «общих понятий». «Созерцание» может играть только вспомогательную, эвристическую роль. Кантовское положение, что «все мате-

матические суждения синтетические», абсолютно закономерно «ускользало от внимания аналитиков человеческого разума» [1, с. 49].

Попытка дать какой-то конструктивный образ пространства делается в словах: «Пространство представляется как бесконечная *данная* величина» [1, с. 66]. Но подобное изображение пространства далеко не точно.

В §3 «Трансцендентальное истолкование понятия о пространстве» на вопрос, каким же образом душе присуще внешнее созерцание, предшествующее самим объектам, Кант отвечает тавтологически: «очевидно, это возможно лишь в том случае, если оно находится только в субъекте как формальное его свойство подвергаться воздействию объектов и таким образом получать *непосредственное представление* о них, т. е. созерцание, следовательно, лишь как форма внешнего чувства вообще» [1, с. 67]. Фактически, мы сталкиваемся с ситуацией *deus ex machina*.

Безусловно верно, что «только с точки зрения человека можем мы говорить о пространстве» [1, с. 68]. Но это редкий случай предпочтения трансцендентального субъекта человеку.

Утверждая «реальность (т. е. объективную значимость) пространства», Кант признает и «идеальность пространства». Однако толковать «*трансцендентальную идеальность*» в смысле того, что «пространство есть ничто, как только мы отбрасываем условия возможности всякого опыта» [1, с. 69] представляется перебором. Философ не воспринимает пространство как культурную (познавательную) форму.

В заключение параграфа подчеркивается, что «пространство не есть форма вещей, свойственная им самим по себе», а является только формой «нашей чувственности» [1, с. 70]. Только как улавливается такая деликатная вещь, как чувственность?

По идее, рассмотренная нами первая глава должна была бы содержать основополагающий материал о пространстве, а в остальной части книги могли бы рассматриваться следствия из ее положений. На самом деле это не так, на дальнейших сотнях страниц возникают многочисленные повороты этой темы. Тем не менее, мы приостановим процедуру сплошного чтения, и перейдем к обсуждению отдельных вопросов.

Основной тезис Канта – пространство суть чистая форма всякого внешнего созерцания [1, с. 73, 76 – 77] – сопровождается рядом добавлений. Пространство может быть не только *формой* чувственного созерцания, но и самим созерцанием [1, с. 145 – 146]. Общее положение закрепляется и афористически: «форма явлений – пространство и время» [1, с. 532]. Кроме того, пространство выступает «формальным априорным условием внешнего опыта» [1, с. 218, 319]. Чувственное созерцание предполагает формальное созерцание [1, с. 253]. «Форма созерцания без субстанции» сводится к «формальному условию для предмета» [1, с. 268]. Как ехидно отмечает Шпенглер, «Если бы Кант острее собрался с мыслями, он назвал бы время *формой созерцания*, а пространство – *формой созерцаемого*» [3, с. 258].

В тезисе Канта можно уловить порочный круг. Получается, что изучение пространства сводится к изучению некоторой формы. Но не потребуются ли еще какие-то пространственные средства для ее представления?

Кант всячески акцентирует феномен чувственности. Пространство оказывается «первоначальной формой чувственности» [1, с. 151], «принципом чувственности» [1, с. 466], «модификацией или основой нашего чувственного созерцания» [1, с. 81]. При этом «явления в пространстве и времени» «суть лишь определения нашей чувственности» [1, с. 384]. Фактор чувственности настолько доминирует, что оказывается «нет никакой необходимости ограничивать способ созерцания в пространстве и времени чувственностью человека» [1, с. 87]. Как, однако, увязывается это с декларированным ранее «изолированием чувственности» [1, с. 64]?

Наш философ упрекает Лейбница в том, что тот, интеллектуализировал формы времени и пространства [1, с. 258]. На наш же взгляд, Кант, ограничив разум, дал слишком много места чувственности. Сходную мысль выражает Шпенглер: «Кант поддался заблуждению. Ему бы не следовало проводить черту между формами созерцания и рассудка, поскольку *его* понятие пространства охватывает уже и то, и другое» [3, с. 252].

В то же время в утверждении «пространство есть лишь способ внутреннего представления, в котором те или иные восприятия связываются друг с другом» [1, с. 663], делается упор не на чувственность, а на интеллектуальные механизмы обработки информации. Впрочем, терминологической четкости здесь нет. Представления то отождествляются с явлениями [1, с. 382], то говорится, что созерцание есть только представление о явлении [1, с. 79].

По Канту, пространство схватывается посредством синтеза его многообразных частей [1, с. 327]. Но о каких именно частях идет речь и как происходит «схватывание», не ясно. Почему синтезирование осуществляется на уровне «частей», а не, скажем, принципов описания, аксиом? Под синтезом Кант подразумевает «присоединение различных представлений друг к другу и понимание их многообразия в едином акте познания». В чистом синтезе многообразное дано а priori, а не эмпирически [1, с. 108]. Синтез пространства дает возможность схватывать явление, делает возможным всякий внешний опыт [1, с. 176]. Но конкретный механизм этого синтеза остается неясным.

Пространство и время Кант рассматривает как чистые формы восприятия (внешнего созерцания), а ощущение – как его материю [1, с. 79]. «Чистота» отождествляется с «априорностью» [1, с. 77, 79] «формальностью» [1, с. 176]. По мнению философа, предмет может являться нам «только с помощью таких чистых форм чувственности» [1, с. 120]. Однако психология вряд ли может с этим согласиться.

В то же время «как ни чисты» понятия пространства и времени от всего эмпирического, они «были бы лишены объективной значимости и смысла, если бы не было показано их необходимое применение к предметам опыта; более того, представление о них есть только схема» [1, с. 168]. Не образы, а схемы лежат в основе чистых чувственных понятий. Кант иллюстрирует это на примере понятия треугольника, которому «вообще не соответствует никакой образ», приложимый ко всем треугольникам. Подобная схема существует только в мысли «и означает правило синтеза воображения в отношении чистых фигур в пространстве» [1, с. 158]. В последних соображениях есть резон. Не ясно только, какое место занимает у Канта сфера мысли? Совпадает ли она с областью абстрактного?

Мотив *чистоты* неожиданно проявляется в следующей формулировке: «Чистый образ всех величин (*quantogum*) для внешнего чувства есть пространство» [1, с. 159]. Характерно, что это говорится после того, как был заявлен приоритет схемы над образом.

По Канту, пространство и время идеальны [1, с. 242]. Более того, им свойственна «трансцендентальная идеальность», согласно которой они не могут быть причислены к предметам самим по себе [1, с. 74]. Вместе с тем, «идеальностью внешних явлений» философ называет недостоверность существования предметов внешних чувств [1, с. 657]. Понимание не очень-то и конструктивное.

На наш взгляд, об идеальности можно говорить в двух следующих смыслах. Во-первых, прежде всего пространство имеет идеальную (интенциональную, духовную) природу. Но оно «рукотворно», создается, проектируется человеческим интеллектом (в этом смысле субъективно). Интересно, что всякая попытка ухватить пространство приводит к тому, что в руках оказываются измерительные инструменты. В своей же целостности оно может быть описано только теоретическим разумом. Во-вторых, пространство выступает как идеал, предел, к которому приближаются те или иные пространственные образования. В этом пределе пространство – идеальная конструкция (структура, схема). На уровне обыденного сознания функционируют те или иные проекции, срезы общей конструкции.

Пространство эфемерно, неуловимо. Поэтому и существует тенденция к его объективации, формализации, фетишизации. Математическое пространство – не что иное, как осуществленное математическими средствами гипостазирование. Оно становится объективным лишь в своей предельной форме, которую отчеканивает математика. Оказываясь средством описания, пространство приобретает черты языка.

Пространство тесно связано с геометрией: «пространство первоначально делает возможными все фигуры, которые суть только различные ограничения его» [1, с. 466]. Но переход от кантовского пространства к евклидовой геометрии не представляется обоснованным. По мнению Шпенглера, Кант «испортил себе и проблему пространства, сведя ее к общепринятой геометрии» [1, с. 252].

Математик порадуется словам Канта, что «геометрия идет своим верным путем чисто априорных знаний, вовсе не нуждаясь в том, чтобы философия засвидетельствовала чистоту и закономерность происхождения основного ее понятия – понятия пространства». Но все же *чистые рассудочные понятия* «не только возбуждают подозрения относительно объективной значимости и границ своего применения, но и делают также двусмысленным вышеупомянутое *понятие пространства* тем, что склонны применять его вне условий чувственного созерцания» [1, с. 119]. «Есть грех», – согласится математик, но вряд ли примет сетования философа всерьез.

По Канту, геометрия «с ее аксиомами, а priori выражающими условия чувственного созерцания», основывается на «последовательном синтезе продуктивного воображения при создании фигур» [1, с. 174]. В современной же математике аксиомы выступают не «априорными синтетическими положениями» [1, с. 175], а просто правилами игры.

По образному описанию Шпенглера, математическое «абсолютное» пространство представляло «не смутную пространственность будничных представ-

лений, расхожей живописи, кажущегося столь однозначным и определенным априорного созерцания Канта, но чистую абстракцию, некий идеальный и неосуществимый постулат души, которую все меньше удовлетворяла чувственность как средство выражения» [3, с. 251].

Серьезное испытание для Канта представляет феномен движения, понимаемый как «нечто эмпирическое». Он констатирует, что «в пространстве, рассматриваемом самом по себе, нет ничего движущегося» [1, с. 78]. Но не становится ли «пространство, рассматриваемое само по себе», своеобразной вещью в себе?

Как таковое «пространство определено постоянно» [1, с. 231]. Его удобно рассматривать как своеобразную арену, на которой разыгрываются события. Это, собственно, и определяет необходимость в такой конструкции, как пространство. «Дабы представить изменение как созерцание, соответствующее понятию причинности, мы должны взять для примера движение как изменение в пространстве» [1, с. 232]. В этой ситуации пространство вновь выступает как интеллектуальная конструкция, а не результат пассивного восприятия.

Определение Кантом пространства таково, что практически невозможно уловить его структуру (он вряд ли имел в виду структуру созерцания). Тем не менее, некоторые его рассмотрения имеют характер структуральных.

Фундаментальным свойством пространства является его непрерывность. Кант понимает ее достаточно строго: «То свойство величин, благодаря которому ни одна часть их не есть наименьшая возможная часть (ни одна часть не проста), называется непрерывностью их» [1, с. 179].

Философ утверждает, что «точки (единственное простое, что есть в пространстве) суть лишь границы, а не нечто такое, что само служит как часть для образования пространства» [1, с. 315]. Сказанное плохо согласуется с современным взглядом на математическое пространство. Его принято рассматривать как множество точек, а одноточечное подмножество допустимо трактовать как подпространство (часть пространства). В то же время каждую точку можно истолковывать как границу любой выходящей из нее кривой.

Границы пространств, по Канту, «определяются не сами по себе, а другим пространством» [1, с. 328]. С современной точки зрения противоречия здесь нет, т.к. граница одной части пространства также является подпространством (меньшей размерности).

Кант обоснованно признает «бесконечную делимость линий или углов» [1, с. 176]. В то же время он допускает смешение геометрических и физических понятий: «Делимость тела основывается на делимости пространства, составляющего возможность тела как протяженного целого. Следовательно, тело делимо до бесконечности, хотя и не состоит еще ввиду этого из бесконечного множества частей» [1, с. 404]. Это приводит к неувязкам – при делении «реальность материи или совершенно исчезает, или превращается в нечто такое, что уже не есть материя, а именно в [нечто] простое» [1, с. 328]. Неясность усугубляет использование оборота «мировое пространство» [1, с. 386, 400].

Теоретико-множественный взгляд на пространство возник только спустя столетие после работ Канта, тем не менее, существенно, что у него пространство «указывает на множественность и численное различие» [1, с. 250]. Он различает места в пространстве, но не прибегает для этого к системе координат. Для

него «места суть условия созерцания» [1, с. 262]. Это приводит к «множественности и различению предметов как явлений» [1, с. 256]. Однако исторически все складывалось в обратном порядке.

Современный структурный взгляд (заставляющий вспомнить о Лейбнице) прорывается в нескольких местах: «внутренние же определения субстанции, являющейся [нам] в пространстве (*substantia phaenomenon*), суть не что иное, как отношения, и сама такая субстанция целиком есть совокупность одних лишь отношений» [1, с. 251]; «постоянное явление в пространстве (непроницаемая протяженность) может содержать в себе одни лишь отношения», «пространство, которое вместе со всем, что в нем содержится, состоит из одних лишь формальных или же реальных отношений» [1, с. 263]; «пространство уже а priori содержит в себе формальные внешние отношения как условия возможности реальных отношений» [1, с. 233]; «пространство есть представление о возможности совместного пребывания» [1, с. 661]. Соответственно, чистая математика предстает «знанием о пространстве и его отношениях» [1, с. 76 – 77].

Критичность Канта не распространяется на критику языка, тем не менее, ему не чужда языковая рефлексия: «Выражение *вне нас* неизбежно приводит к двусмысленности» [1, с. 660]. И все же автор злоупотребляет пространственными предлогами: «невозможно, чтобы в этом пространстве было дано что-либо вне нас (в трансцендентальном смысле), так как само пространство вне нашей чувственности есть ничто» [1, с. 662]. В приведенной фразе, как кажется, вместо «вне нас» и «вне нашей» можно было бы сказать «независимо от нас (нашей)». Ни мы, ни наша чувственность, строго говоря, не являются сосудами (контейнерами). Впрочем, Кант элегантно поясняет свою метафорику: мысли о внешних явлениях «обладают следующим обманчивым свойством: так как они представляют предметы в пространстве, то они как бы отделяются от души и кажутся витающими вне ее, между тем как само пространство, в котором их созерцают, есть не что иное, как представление, слепок с которого в том же качестве не может находиться вне души» [1, с. 667]. По мнению Шпенглера, колоссальной «ошибкой Канта было то, что он совершенно схематически установил связь внешнего и внутреннего человека с многозначными и, главное, *не стабильными*, понятиями пространства и времени» [3, с. 253].

Эффект пустоты пространства, абсолютно нерелевантный при математическом подходе, представляется для Канта существенной проблемой. Прежде всего он замечает, что «из опыта никогда нельзя извлечь доказательство существования пустого пространства». Это связано с невозможностью «полного отсутствия реального в явлении» [1, с. 181].

И все же добрый человек из Кенигсберга оставляет шанс пустому пространству: «оно может быть повсюду там, куда не доходит восприятие и где, следовательно, нет никакого эмпирического знания об одновременном существовании; но в таком случае оно вовсе не объект для какого бы то ни было нашего возможного опыта» [1, с. 212].

Основные несообразности у Канта обнаруживаются при рассмотрении вопросов «о пространственной величине мира», границе мирового пространства [1, с. 365, 376]. Вот характерное рассуждение мыслителя: «Действительно, если мир бесконечен и неограничен, то он слишком велик для всякого возможного эмпирического понятия. Если мир конечен и ограничен, то вы можете с полным

правом задать вопрос: что определяет эту границу?» [1, с. 379 – 380]. Оба суждения некорректны. «Эмпирические понятия» не обязаны измеряться по величине. Ограниченным можно быть и не имея границы (пример – внутренность круга). По ходу дела Кант апеллирует к вещам, им самим отвергаемым: «Действительно, в противном случае он был бы ограничен пустым временем, с одной стороны, и пустым пространством – с другой» [1, с. 401].

Присущие трансцендентальному субъективизму Канта антиномии свидетельствуют не о границах разума, а о нечеткости проводимых рассуждений.

Кант не замечает многих совершенно естественных вопросов: как формируется понятие пространства, в какой мере оно определяется психологическими обстоятельствами, социально-культурными особенностями. Впрочем, в оправдание философа можно заметить, что в его времена еще не было принято рассуждать о фило- и онтогенезе.

Заслугой Канта является то, что он впервые подошел к пространству и времени с меркой человека. Хотя реально вышло наоборот – он подогнал созерцание под стандарты геометрии. Принципиальной ошибкой нашего философа О. Шпенглер считает то, что «Кант, систематик, со своим понятием априорной формы исходит при истолковании *той же* загадки из мертвого результата, а не живого пути к ней» [3, с. 260]. В подходе Канта переплелись философское, физическое, математическое, перцептивное пространства. В своих рассуждениях он стихийно переходит с одного диалекта на другой.

Многое из того, что не улавливает «критика чистого разума», может прояснить критика языка и культуры. В идее пространства находит системное выражение пространственный опыт человечества. Пространство выступает как объективация всей совокупности пространственных отношений. Ему становится присущ статус абсолюта. Но при всей своей априорности пространство и время не являются идолами. Они подлежат изучению не в меньшей степени, чем явления. С прагматической точки зрения пространство и время – средства ориентирования в жизненном потоке. Тем самым пространство относится к категории «инструмента». Возможность использования различных орудий для решения одной и той же задачи, заставляет считаться с существованием целого многообразия (неевклидовых и некантовых) пространств. В индивидуальном сознании представление о пространстве реализовано в той или иной конфигурации: отчасти в виде навыков, отчасти в качестве формализованных структур. Представление о пространстве обусловлено культурно и исторически. Личностное убеждение в единственности «своего» пространства сочетается с философским приятием их множественности.

Многое из того, что Кант сказал, наметил или спутал, станет понятнее, если мы прислушаемся к его признанию: «всякая речь перед столь многочисленными и необозримо великими чудесами становится бессильной, все числа теряют свою способность измерять и даже наша мысль утрачивает всякую определенность, так что наше суждение о целом неизбежно превращается в безмолвное, но зато тем более красноречивое изумление» [1, с. 468].

Библиографические ссылки

1. Кант И. Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т.3.

2. Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т.2.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии истории: В 2 т. Мн., 1998. Т.1: Образ и действительность.

Надійшла до редколегії 19.02.04